

Марч

Редро Агаматта

18+

МарЧ

Ребро Адаманта

«Автор»

2026

МарЧ

Ребро Адаманта / МарЧ — «Автор», 2026

Эта история началась с простой мысли: "А что, если?". Спасибо игре The Sims 4 за то, что зажгла эту искру и позволила мне построить целый мир, который затем ожил на страницах этой книги. «Ребро Адаманта» — сага о том, как воля судьбы сталкивает людей в одних и тех же точках выбора. У каждого героя своя грань, то самое ребро — место предельной уязвимости и смертельного риска. Кто-то сгибается под тяжестью обстоятельств, кто-то разбивается вдребезги, не выдержав удара, а кто-то перерождается в огне боли. Но вопрос остается один: можно ли построить счастье на руинах чужой любви, или любое касание острого края адаманта неизбежно приведет к необратимому надлому?

© МарЧ, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Кэсси. Глава 1. Знакомство Кэсси и Мэла	5
Глава 2. Оазис Лэйк	8
Глава 3. Вильденбург. Семья Вильяррубио	11
Глава 4. Дочь Луана	12
Глава 5. Сын Хью	16
Глава 6. Младший сын Макс	20
Глава 7. Ужин,изменивший всё	22
Глава 8. Возвращение Мэла в ОазисЛэйк	25
Глава 9. Призрак из прошлого	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

МарЧ

Ребро Адаманта

Часть 1. Кэсси. Глава 1. Знакомство Кэсси и Мэла

Френсис сидела в кресле-коляске, которое ее мать Кэсси заботливо подкатила к журнальному столику. С этого ракурса была видна вся комната и каждая вещь здесь была знакома Френсис с детства. Солнечный свет с трудом пробивался через тяжёлые шторы со старомодной бахромой. За ними угадывались цветочные горшки с ухоженными растениями. Это позднее увлечение матери — попытка заполнить тишину дома зеленью после того, как не стало её Дэнни. В детстве Френсис не видела здесь цветов. Ритм жизни известной и востребованной пианистки не давал возможности сосредоточиться на уюте в доме. Слева от окна стояло мамино пианино. На нем ни пылинки, но Френсис знала, что рука матери давно не касалась клавиш.

— Я на пару минут. Отвечу на письмо, — сказала Кэсси, сжав плечо Френсис, и отошла.

Мать прошла в другой конец комнаты, где на старом потертом временем столе лежал ноутбук. Она села за стол, открыла ноутбук и склонилась над светящимся экраном. Экран подчеркнул холодным светом седину у висков и глубокую морщинку между бровей. Кэсси не торопилась нажимать клавиши — сидела неподвижно, подперев подбородок, глядя в мерцающий экран.

Френсис смотрела на мать, пытаясь угадать, о чем та сейчас думает.

...Кэсси опустила взгляд на свои пальцы. Сколько лет она не открывала инструмент? Пять? Десять? Когда-то музыка заполняла всю ее жизнь: в школьные годы она играла Баха, бредила джазом и не представляла себя вне сцены. А потом случился Миднайт-Сити. Тот фестиваль молодых исполнителей, огни главного зала и Мэл в первом ряду. Он пришел на концерт с родителями — чопорными Ландграфами из Оазис Лейк, чей биотехнологический гигант LandraGlobal уже тогда гремел по всему миру. Мэлвилл держался как прилежный наследник огромного состояния. Заняв место в партере, он положил блокнот на колени и открыл чистую страницу. Он привык разбирать игру по пунктам — темп, динамика, техника, — но когда Кэсси села за рояль, карандаш так и остался в руке.

В первой части «Лунной» она почти не пользовалась педалью и тянула паузы между фразами заметно дольше, чем принято на конкурсах. Никакой академической аккуратности: звук выходил сухим, напряжённым и странным. Мэл так и не сделал ни одной пометки.

После концерта в фойе было не протолкнуться. Он нагнал Кэсси уже у гардероба. Кэсси оказалась совсем невысокой, и эта тонкость силуэта делала её рядом со взрослыми в фойе почти невесомой.

— Вы сильно замедляли финал в первой части, — сказал он, подойдя ближе. — Обычно там стараются сгладить переходы, а у вас тема звучала как оборванная.

Кэсси оглянулась, прижимая к груди папку с нотами. Перед ней стоял нескладный долговязый парень в очках в тонкой оправе. Светлые волосы лезли ему в глаза, и он нервно смахнул их тыльной стороной ладони.

— Это было осознанно, — ответила она настороженно. — Слишком гладкий Бетховен звучит как упражнение для пальцев.

— Я заметил, — кивнул Мэл. В его голосе не было снисходительности, только сухой исследовательский интерес. — Из-за этого паузы работали сильнее самих нот.

Кэсси помедлила, разглядывая незнакомца. Обычно после таких фестивалей говорили о «чувстве прекрасного» и «виртуозности». О тишине между тактами с ней ещё никто не заговаривал. Мэл поймал этот прямой, изучающий взгляд. В мягких и правильных чертах её лица сквозила редкая, несуетливая естественность — от чуть вздёрнутого кончика носа до строгой линии губ. Тёмные волосы, открывавшие виски и шею, были убраны в простой хвост, без претензии на эффектность. Но главным были глаза: глубокие, тёмно-серые, всё ещё хранившие напряжение сцены. Мэл смотрел на неё и понимал, что не в силах прервать это молчание.

Эта встреча стала началом их дружбы: они обменялись контактами и договорились поддерживать связь, ведь оба поняли, что нашли человека, с которым можно говорить на одном языке — языке музыки и настоящих чувств. Кэсси и Мэл начали активно переписываться. Их общение строилось вокруг музыки, книг, размышлений о будущем и ежедневных мелочей. Кэсси делилась нотами, рассказывала о репетициях и своих творческих поисках, а Мэл — о новых книгах, интересных лекциях и своих научных проектах. Они созванивались по вечерам, иногда устраивали «виртуальные концерты»: Кэсси играла для Мэла по видеосвязи, а он комментировал, делился музыкальными открытиями и даже присылал редкие записи. Встречи были нечастыми, но очень значимыми. Обычно они виделись на крупных музыкальных или научных фестивалях в Миднайт-Сити, а иногда родители устраивали им короткие поездки друг к другу. В такие дни они гуляли по незнакомым улицам, обсуждали всё на свете, вместе посещали концерты и музеи. Эти встречи были наполнены радостью, но и лёгкой грустью — ведь расставаться всегда было непросто.

В тот вечер они обменялись номерами прямо у гардероба — наскоро, между делом. А уже на следующий день переписка пошла сама собой. Сообщения приходили обрывками: Кэсси присылала фотографии исчерканных карандашом партитур с репетиций или жаловалась на сбитый темп, Мэл скидывал ссылки на оцифрованные архивные пластинки и статьи, в которых разбирались акустические формулы залов. По вечерам телефон стоял на пюпитре: Кэсси играла прямо в камеру, а Мэл слушал, глядя на экран ноутбука, и спорил с ней о фразировке или динамике аккордов.

Виделись они редко — лишь когда удавалось пересечься на фестивалях в Миднайт-Сити или выкроить пару дней на поездку. Они часами бродили по городу, прячась от сквозняков в полупустых кофейнях, заходили в букинистические лавки и молчали так же легко, как и спорили. Мэлу больше не нужно было подбирать «правильные» и понятные темы для разговора, чтобы не казаться занудой, а Кэсси не приходилось натягивать дежурную вежливость. Расставания на вокзалах с каждым разом давались всё тяжелее. Незаметно для самих себя они привыкли сверять свой день по этим сообщениям: привыкли к звуку чужого голоса в наушниках, к паузам посреди разговора и к тому странному чувству спокойствия, которое возникало, стоило просто увидеть знакомое имя на экране.

Признание вышло почти случайным. Они не виделись несколько месяцев, и за долгими вечерними разговорами — о предстоящих экзаменах, сомнениях и смутном страхе перед чужими городами — стало очевидно: переписки и редких встреч уже мало. Расстояние перестало быть временным неудобством и превратилось в то, с чем им теперь придётся считаться всерьёз. Через год, когда школа осталась позади, Кэсси поступила в консерваторию, а Мэл прошёл на факультет генетики и биотехнологий в один из сильнейших университетов страны. Вопреки их опасениям, новость о том, что они вместе, дома встретили на редкость спокойно — родители с обеих сторон неожиданно легко согласились на общий семейный ужин.

Для семейного ужина выбрали ресторан с панорамой Виллоу-Глен. Для родителей Кэсси это был родной город и привычный уклад, тогда как Мэл с семьёй прилетели на встречу специально, выкроив пару дней между зарубежными делами. Разница между семьями бросалась в глаза с первых минут, хоть все и старались держаться с безупречной светской вежливостью. Отец Кэсси представлял собой понятную, респектабельную стабильность топ-менеджера, при-

выкшего к прочному положению в городе. Семья Мэла — состоятельные экспаты, постоянно курсировавшие между странами, — воспринимали даже личные поездки как повод для новых инвестиций и демонстрации статуса. Разговор о рейтингах кафедр и современных постановках шёл гладко и чинно, сглаживая социальную дистанцию.

Уже дома, закрывая за собой дверь, отец Кэсси удовлетворённо усмехнулся и бросил жене:

— Что ж, для нашей малышки это очень удачная партия.

На протяжении всего романа Кэсси и Мэл держали дистанцию. Они не обсуждали это, но оба сходились во мнении, что физическая близость может разрушить сложную и чистую связь, которую они так бережно выстраивали, и сделать их чувство приземлённым и обыденным. До самого дня бракосочетания между ними не было ничего, кроме долгих взглядов и осторожных прикосновений. Кэсси видела в этом верный путь к алтарю, Мэл — взаимное уважение. Поэтому его предложение не стало неожиданностью. Родители приняли их союз легко, сняв последние препятствия. Помолвка прошла без бурных эмоций: кольцо, обязательные тосты за ужином и сдержанные аплодисменты знакомых, которые уже воспринимали свадьбу как решённое дело.

К концу августа жара спала, оставив сухое, ясное тепло. В Виллоу-Глен открыли садовые террасы: шатры и длинные столы расставили прямо под старыми дубами поместья. Подготовка шла с самого утра. На выглаженном льне скатертей расставляли тяжёлое фамильное серебро и вазы с пионами; к беседке, где должно было пройти венчание, садовники тянули гирлянды из мелких ламп, пряча провода в зелени плюща. Во второй половине дня, когда все приготовления были закончены, стали появляться первые гости. Среди них были друзья, партнёры по бизнесу и коллеги родителей молодых. Ближе к вечеру, когда воздух остыл, гости вели оживлённые беседы на подстриженном газоне — слышались звон бокалов и шелест шалей, которые женщины накидывали на плечи от прохлады.

Вдруг гул голосов стих. На дорожке к беседке появилась Кэсси. Тонкая кружевная ткань её белоснежного платья мягко шуршала по мелкому гравию, длинный шлейф тянулся следом. Она шла не торопясь, глядя прямо перед собой, с букетом лаванды в руках. Причёску Кэсси украшал веночек из мелких белых цветов, контрастируя с тёмными волосами. На её лице не было показного волнения — лишь сосредоточенность. У импровизированного алтаря невесту ждал Мэл. На нём был элегантный светло-серый костюм с атласной жилеткой в тон платью. Он стоял подчёркнуто прямо и не сводил с Кэсси взгляда, пока она шла к нему мимо рядов замерших гостей.

В комнате пахло ночным воздухом из приоткрытого окна и лавандой из её свадебного букета. После суеты и сотен чужих взглядов тишина казалась оглушительной. Кэсси стояла у кровати, всё ещё сжимая пальцы в замок, а Мэл, ослабив ворот рубашки, смотрел на неё так, будто они впервые остались наедине. Он подошёл вплотную. Его прикосновение к шее было осторожным, почти вопросительным. Кэсси приподнялась на носках, отвечая на поцелуй, и напряжение, копившееся весь день, наконец начало отпускать. Мелкая молния на кружевной спинке поддалась со второго раза; шлейф осел на ковёр мягким белым кольцом. Они долго привыкали к непривычной открытости — без правил, без оглядки на чужие ожидания и приличия. Мэл двигался бережно, ловя каждый её вздох и вздрагивание. А потом они просто лежали рядом под тяжёлым одеялом, чувствуя усталость и горячее тепло чужой кожи, и слушали, как за окном шумит ночной сад.

Глава 2. Оазис Лэйк

Оазис Лэйк - это город, где палящее солнце пустыни встречается с прохладой оазиса, а блеск современного богатства соседствует с тихим, почти деревенским укладом. Воздух здесь сухой и горячий днём, а ночью становится прохладным, позволяя дышать полной грудью. Небо почти всегда безоблачное, пронзительно-голубого цвета. Город расположен в сердце огромной пустыни. Его название полностью себя оправдывает: в центре, как драгоценный камень, лежит большое озеро с кристально чистой, прохладной водой, питаемое подземными источниками. Вокруг озера - буйная, почти тропическая зелень: пальмы, цветущие кустарники и аккуратно подстриженные газоны. Это создает невероятный контраст с красноватыми, выжженными солнцем холмами, которые окружают город со всех сторон. Оазис Лэйк - город амбициозных людей. Сюда приезжают, чтобы сделать карьеру, заработать состояние или просто скрыться от суеты больших мегаполисов в тишине пустыни. Здесь ценят успех, статус и внешний лоск.

Переезд в Оазис Лейк в первые месяцы стал для Кэсси настоящим испытанием. Впервые она оказалась так далеко от родителей и родного дома, и поначалу чувство одиночества не покидало ее. Она подолгу смотрела в окно на незнакомый пейзаж и думала о доме. Кэсси привыкла к поддержке семьи, к их теплым вечерам и тихим разговорам, а теперь всё это осталось в прошлом. Ей не хватало привычной атмосферы, и даже музыка, которой она всегда жила, первое время не могла заглушить тоску по дому. Молодой семье отдали целое крыло дома - просторное, с отдельным входом и приватным садиком. Это было сделано для того, чтобы у них было личное пространство, свой мир внутри большого родительского дома. Их день был подчинён ритму учёбы, но быт был устроен максимально комфортно. Наличие домашнего персонала вносило свои коррективы в быт молодой семьи. Кэсси не была обременена рутиной, но это не значит, что их жизнь была праздной. По выходным они могли вместе приготовить что-то особенное - не потому что были голодны, а ради самого процесса. Это был их способ побыть «обычной» молодой парой: он мог неуклюже резать овощи для салата, а она - смеяться над ним и пытаться научить его держать нож правильно.

Таким образом, жизнь в доме Ландграфов была идеальным балансом: с одной стороны - комфорт и отсутствие бытовых проблем благодаря прислуге, с другой - полная свобода и возможность строить свой собственный, независимый мир учебы и любви. Талант Кэсси расцветал в благодатной почве. Это был редкий случай, когда внешние обстоятельства не отвлекали, а, наоборот, служили катализатором для творчества.

Её день был идеально структурирован. Утренние часы, когда сознание еще свежо, она посвящала теории и композиции. Днем - репетиции и занятия с преподавателями. А вечера и ночи принадлежали вдохновению. В тишине их крыла, под шорох дождя за окном или треск поленьев в камине, она писала музыку. Эта музыка не была вымученной; она была рождена из гармонии её собственной жизни. Именно в этой атмосфере покоя и стабильности её талант начал приобретать отчетливые формы. Если раньше это были просто красивые мелодии, то теперь в её работах появилась глубина, структура и уникальное звучание. Её преподаватели в консерватории видели в ней не просто способную студентку, а будущую звезду.

К моменту окончания консерватории перспективы Кэсси были уже не туманными надеждами, а чётко очерченной реальностью. Её ждало блестящее будущее:

Признание академического мира. Её выпускная работа - симфоническая поэма «Оазис» - была признана лучшей за десятилетие. Её имя уже было на слуху у дирижёров ведущих оркестров страны. Предложения о сотрудничестве и заказах на новые произведения начали поступать еще до вручения диплома.

Гастрольная деятельность. Уже шли переговоры о том, чтобы её музыка была включена в программы нескольких престижных музыкальных фестивалей. Её ждали не просто как композитора, а как личность, чье имя гарантировало аншлаг.

Продюсеры начали проявлять интерес к её творчеству. Её стиль - мелодичный, глубокий, эмоциональный - идеально подходил для саундтреков. Перед ней открывались двери в мир большого кино.

Самое главное - она нашла свой уникальный стиль. Это было не подражание классикам, а совершенно новое, свежее звучание, которое критики уже окрестили «неоклассикой с душой».

Будущее Кэсси было расписано на годы вперед. Это был путь к славе, признанию и возможности творить без оглядки на материальные трудности. Она стояла на пороге того, чтобы стать не просто женой успешного бизнесмена, а самодостаточной величиной в мире искусства. Её имя должно было стать известным далеко за пределами Оазис Лэйк.

Прошло десять лет после свадьбы. Карьера Кэсси шла как по маслу и стремительно набирала обороты. Мэл, окончив университет с отличием, быстро сделал карьеру в корпорации отца, проявив себя как талантливый специалист в области генетики и биотехнологий. Родители Мэла приобрели для молодой семьи небольшой, но комфортный особняк недалеко от них. Их новый дом в Оазис Лэйк стал настоящим семейным очагом. Вечера они часто проводили вместе: Кэсси играла на рояле, а Мэл читал или обсуждал с ней новости из мира науки. Однако со временем Мэл начал всё чаще задумываться о будущем. Он чувствовал, что добился стабильности и уверенности в работе, и теперь хотел большего - настоящей семьи, детей.

Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, а в гостиной тихо звучала музыка, Мэл отложил документы и серьёзно посмотрел на Кэсси.

- Кэсси, давай поговорим.

Она подняла глаза от нот, почувствовав в его голосе непривычную серьёзность.

- О чём? - тихо спросила она, не отрывая пальцев от клавиш.

Мэл подошел ближе, сел рядом на банкетку.

- Я много думал последнее время. Мы давно женаты. У нас есть дом, у тебя - карьера, у меня - бизнес семьи. Мы оба крепко стоим на ногах. Мне кажется, пора подумать о ребенке.

Кэсси замерла. Её пальцы застыли над клавишами, а взгляд стал напряженным.

- Мэл... Я не готова. Ты же знаешь, у меня сейчас столько предложений! Концерты, гастроли, запись альбома... Я только-только начала реализовывать всё, о чём мечтала. Ребёнок - это огромная ответственность, это конец моей свободе, моей музыке!

Мэл вздохнул, взял её за руку.

- Кэсси, я не говорю «прямо сейчас». Но ты же не можешь вечно откладывать жизнь. Музыка - это прекрасно, но семья - это тоже часть счастья. Я хочу, чтобы у нас был ребёнок. Хочу видеть, как ты станешь матерью. Разве ты никогда не думала об этом?

Она резко встала и отошла к окну.

- Думала? Конечно, думала... Но не сейчас! Я не хочу выбирать между музыкой и ребёнком. Я хочу успеть и то, и другое. Ты же сам всегда говорил, что я должна реализоваться как музыкант!

Мэл тоже поднялся, подошёл к ней, но не стал обнимать - чувствовал, что она напряжена.

- Я не прошу тебя отказываться от музыки. Но дети - это не конец карьеры, а её продолжение в другом качестве. Мы справимся. У нас есть поддержка, дом, средства... Ты не будешь одна.

Кэсси обернулась, в её глазах блеснули слёзы.

- Дело не в средствах! Дело во мне. Я боюсь. Боюсь потерять себя. Боюсь, что если сейчас рожу ребенка, то уже никогда не вернусь на сцену так, как мечтаю. Ты же знаешь, как это важно для меня!

В комнате повисла тишина. Мэл смотрел на неё с нежностью и тревогой.

- Я понимаю твои страхи. Не буду давить. Просто хочу, чтобы ты знала: я всегда буду рядом. Что бы ты ни решила - мы пройдем через это вместе. Просто... подумай об этом, хорошо?

Кэсси молча кивнула. Они больше не возвращались к этому разговору, но оба понимали: впереди их ждет непростой выбор между личными мечтами и общим будущим.

Полгода после того разговора о детях прошли в напряженном ритме. Мэл почти всё время был занят в корпорации, а недавно уехал в длительную поездку по делам семейного бизнеса. Кэсси была полностью поглощена своей карьерой: плотный график концертов и репетиции. В один из вечеров, вернувшись домой после особенно насыщенного дня, Кэсси почувствовала внезапную слабость и легкое головокружение. Такого с ней раньше не случалось. Она списала всё на усталость и переутомление, ведь последние недели были особенно напряженными. Наутро недомогание прошло, и она вновь окунулась в привычный ритм: репетиции, встречи, работа над новым произведением. Однако через пару дней всё повторилось. На этот раз к слабости добавилась легкая тошнота. Кэсси забеспокоилась. Она не привыкла болеть, а тут — такое непривычное для нее состояние. Не зная, что и думать, она решила обратиться к своей свекрови. Мисси всегда была внимательна к невестке и умела поддержать в трудную минуту.

- Мисси, я не знаю, что со мной происходит. В последнее время я чувствую себя странно: слабость, иногда тошнит. Я думала, это просто усталость, но теперь уже не уверена.

Мисси внимательно выслушала Кэсси, нахмурилась и мягко взяла ее за руку.

- Кэсси, ты слишком много работаешь. Нельзя так изматывать себя, особенно сейчас, когда ты так много достигла. Я бы посоветовала тебе пройти обследование в одной из наших клиник. Там отличные специалисты, они быстро разберутся, что к чему. И главное - не волнуйся раньше времени.

Кэсси последовала совету свекрови. В назначенный день она приехала в современную клинику, где ее встретили с особой заботой. После всех анализов и осмотра врач пригласил её в кабинет. В руках у него были результаты обследования.

- Кэсси, я должен вам кое-что сообщить. Вы беременны. Срок - примерно шесть недель.

Мир на мгновение замер. Кэсси смотрела на врача и не могла поверить услышанному. В голове пронеслись мысли: «Как же так? Я ведь только начала... У меня концерты, музыка... А Мэл... Он так хотел этого...». Выйдя из клиники, она долго сидела в машине, глядя в одну точку. В душе смешались страх, растерянность и... странное, новое чувство. Она ещё не знала, как сказать об этом Мэлу, ведь он был в отъезде и должен был вернуться только через неделю. Но впервые за всё это время Кэсси задумалась: может быть, её музыка и новая жизнь внутри неё смогут существовать вместе?

Глава 3. Вильденбург. Семья Вильяррубио

Вильденбург - это не просто северный город с готическими шпилями и фахверковыми домами, а настоящий лабиринт, зажатый между суровыми морскими утесами и россыпью островов. Город словно вырастает из скал, а его улицы петляют по крутым склонам, открывая захватывающие виды на море и соседние острова. Современная часть города с её стеклянными фасадами и модными кварталами контрастирует с древними каменными мостами и узкими переулками Старого города. Вильденбург славится переменчивой погодой: частые туманы, порывистый ветер и шум прибоя создают атмосферу тайны и уединения. Город окружён архипелагом, где каждый остров хранит свои секреты. Некоторые из них - дикие и необитаемые, другие застроены частными виллами и поместьями.

Здесь родился Жан Вильяррубио в обеспеченной, но не слишком известной семье. С юности он проявлял незаурядные аналитические способности, тягу к власти и умение манипулировать людьми. Получив образование в престижном университете, он быстро понял, что честный путь к успеху слишком медленный и предсказуемый. Жан начал строить карьеру в инвестиционных фондах, где проявил себя как талантливый, но крайне рискованный стратег. В 30 лет Жан уже управлял собственным фондом, который быстро приобрёл репутацию «кузницы миллионеров». Однако за блестящими отчётами скрывались сложные схемы по выводу капитала, офшорным операциям и лоббированию интересов крупных корпораций. Жан научился использовать политические связи для получения инсайдерской информации, а затем - для влияния на принятие законов, выгодных его клиентам. Жан никогда не действовал напрямую. Он создавал сеть посредников, подставных компаний и фиктивных фондов. Его стиль - это «интеллектуальный блеф»: он всегда был на шаг впереди конкурентов и контролирующих органов. Жан обожал шахматы и часто сравнивал свои схемы с многоходовыми комбинациями. Он не боялся риска, но каждый его шаг был просчитан до мелочей. К 50 годам Жан стал «серым кардиналом» в мире финансов и политики. Его имя редко фигурировало в скандалах, но за каждым крупным слиянием, банкротством или политическим назначением стоял кто-то из его окружения. Он финансировал избирательные кампании, лоббировал законы, а иногда - устранял конкурентов с помощью компромата или экономического давления.

Жан был женат не единожды, но по-настоящему его интересовали только дети. Он видел в них продолжение своей империи.

Глава 4. Дочь Луана

Старшая дочь Луана унаследовала от Жана острый ум и стратегическое мышление. Внешне она была невысокой и стройной, с изящными линиями фигуры; единственное, что немного выбивалось из образа воздушной эльфийки - очень маленькая грудь, которую она виртуозно маскировала идеально скроенной одеждой. Тёмные волосы цвета горького шоколада она обычно убирала в тугий пучок, а большие серые глаза хранили фамильный, оценивающий прищур отца.

После окончания элитной частной школы, где из неё лепили идеальную наследницу, Луана сделала ход, который удивил всех, кроме, возможно, самого Жана. Он увидел в этом не бунт, а мастер-класс по корпоративной войне - логичное продолжение её воспитания. Луана поступила на юридический факультет и была там образцом для подражания: холодная, безупречная, с аналитическим умом, который впитывал законы и лазейки в них так же легко, как другие дышат. Она училась не просто быть юристом. Она училась играть на поле противника его же оружием. И она применила эти знания немедленно. У неё была вторая жизнь, которую она вела дерзко и публично. Она не прятала лицо, действуя от своего имени - Луана Вильяррубио. Вместо того чтобы скрывать акции протеста, она делала их частью своего имиджа.

Она организовывала пресс-конференции, где, стоя на фоне дымящих труб очередного завода-партнёра её отца, зачитывала отчеты о нарушениях: «Компания "Индастрис Групп", чей генеральный директор вчера пожимал руку моему отцу на благотворительном вечере, сегодня сбрасывает токсичные отходы в реку Грин-Вейл. Я, Луана Вильяррубио, обвиняю их в преступной халатности».

Это был скандал эпического масштаба. Газеты пестрели заголовками: «Дочь магната объявила войну бизнесу отца?», «Вильяррубио на грани раскола?». Жан Вильяррубио молчал. Он никогда не комментировал действия дочери публично. Но в кулуарах его слово было законом, и акции компаний, которые атаковала Луана, начинали лихорадить. Её однокурсники по юрфаку смотрели на нее с восхищением и ужасом. Профессора ставили её в пример как блестящего оратора и стратега, но в их взглядах читался немой вопрос: «Как далеко она зайдёт?». Уже сейчас ее знали в городе как совесть народа.

Отношения с отцом сложны и полны противоречий. С одной стороны, Жан гордился её умом и влиянием, видя в ней достойного оппонента для интеллектуальных дуэлей. С другой - он снисходительно относился к её идеализму, считая его лишь временной болезнью юности, которая пройдет, как только она столкнется с реальным миром. Луана, в свою очередь, любила отца, но стыдилась его прошлого и методов, отчаянно пытаясь доказать, что власть можно получить, не запачкав рук.

Амбиции Луаны были её религией. Борьба за экологию и будущая юридическая карьера отнимали всё её время и энергию. Она не искала любви. Глубоко внутри неё жила страстная, пылкая девушка, которая хотела смеяться до слез, кричать от восторга и чувствовать, как земля уходит из-под ног от одного взгляда. Но эта девушка была заперта в самой высокой башне её самоконтроля. Ей нужен был мужчина, который смог бы совершить невозможное. Не просто растопить этот вековой лёд и разбудить вулкан её страсти. Нет. Это было бы слишком банально. Ей нужен был тот, кто вызовет у неё не только дрожь в коленях, но и глубочайшее интеллектуальное уважение. Тот, чей ум будет таким же острым как и его взгляд. Тот, кто окажется не просто любовником или мужем, а равным противником и единственным достойным союзником в одной команде. Такого мужчины в ее мире просто не существовало. И редкие, продиктованные социальным долгом свидания лишь убеждали Луану в этом раз за разом.

...Подруга, а по совместительству дочь партнера отца по гольфу, была настойчива.

- Лу, это не просто мужчина, это идеальный мужчина. Себастьян. Дальний родственник по линии моей матери. Наследник судостроительной империи. У него свой вертолёт, вилла на озере Комо и, - она понизила голос до заговорщического шепота, - он абсолютно, катастрофически скучен. Тебе понравится. Луана лишь изогнула бровь. «Скучен» в её мире было синонимом «безопасен». А безопасность - это то, что одобрил бы отец. Она согласилась на свидание, но без энтузиазма. Это была просто очередная галочка в списке социальных обязанностей.

Себастьян выбрал для встречи ресторан «Астория» - место с безупречной репутацией, мёртвой атмосферой и ценами, способными вызвать инфаркт у обычного человека. Он уже сидел за столиком, когда Луана вошла. Он встал, безупречно одетый в костюм, сшитый точно по его невыразительной фигуре.

- Луана, - он склонил голову в приветствии. Его рукопожатие было вялым и влажным. - Вы ещё прекраснее, чем на фотографиях.

Комплимент был произнесен так, будто он читал его с телесуфлера.

Официант принес меню. Себастьян даже не взглянул на него.

- Я буду стейк «Рибай», прожарки medium rare, и минеральную воду «Этуаль» без газа. Вы что-нибудь будете?

Он сказал это официанту, даже не повернув головы к Луане. Это было не хамство, а просто констатация факта: она была лишь формальностью, которая сделает заказ следом. Луана заказала салат из рукколы с козым сыром, просто чтобы сделать хоть какой-то выбор.

Разговор не клеился. Он говорил о яхтах. Не с азартом или страстью коллекционера, а как менеджер зачитывает годовой отчёт.

- Длина корпуса 45 метров. Осадка два с половиной. Двигатели «Катерпиллар», две тысячи лошадиных сил. Расход топлива при крейсерской скорости...

Луана кивала, глядя на него через стол. Он был красив, в классическом понимании этого слова. Правильные черты лица, ухоженные волосы. Но его глаза... В них не было жизни. Это были два кусочка мутного стекла. Он не задавал ей вопросов. Ему было абсолютно неинтересно, что она думает о новой выставке в галерее или над каким проектом для фонда она сейчас работает. Он был манекеном из дорогого магазина мужской одежды, который зачем-то научили говорить о морских узлах и сортах стали.

Когда принесли еду, он аккуратно разрезал свой стейк на идеально ровные квадратики и методично отправлял их в рот, запивая водой. Ни вина, ни коктейлей. Только «Этуаль». Луана ковыряла свой салат. Руккола казалась ей горькой. В какой-то момент она поймала его взгляд. Он смотрел на неё не с желанием или интересом, а с оценкой. Как будто он прикидывал, впишется ли она в интерьер его виллы на озере Эсперон и не будет ли ее содержание слишком обременительным для его бюджета.

Внутри Луаны всё сжалось от скуки и холодного раздражения. Это было не свидание. Это был собеседование. И она это собеседование с треском провалила бы, потому что была слишком сложной, слишком живой для его мертвого мира.

Когда принесли счет (он даже не дернулся, чтобы посмотреть на него), она мило улыбнулась.

- Себастьян, это было... познавательно. Но я, к сожалению, не смогу составить вам компанию на выставке яхт в Сан-Лоренсо на следующей неделе.

Он моргнул, словно компьютер, получивший команду, которую не может обработать.

- Жаль. Мой пилот мог бы забрать вас прямо с крыши вашего дома.

Она встала, поправляя платье.

- Спасибо, но я предпочитаю сама сидеть за рулем.

Она ушла, оставив его за столиком с нетронутым десертом (он заказал его по инерции). На улице она вдохнула прохладный вечерний воздух. Свидание было идеальным. С точки зре-

ния ее отца. Безопасный, богатый, предсказуемый мужчина из её круга. И абсолютно не тот, кто ей нужен. Она поспешила домой. Завтра ее ждал напряженный день.

Полдень. Территория строящегося химического комбината «Прометей Кемикалс». Территория огорожена высоким металлическим забором, увенчанным колючей проволокой. За забором - серые, безликие корпуса, грохот строительной техники и едкий, сладковатый запах, который, кажется, въедается в кожу. У главных ворот собралась толпа. Человек сто пятьдесят: студенты-активисты с плакатами «Зелёный город, а не серый дым!», пожилые жители из соседнего посёлка, держащие в руках баннеры с фотографиями больных деревьев. Полиция оцепила периметр, но не вмешивается - пока всё проходит мирно.

В центре внимания - Луана Вильяррубио. Она стоит не в толпе, а чуть впереди, на небольшом пригорке, чтобы её было видно всем. На ней не рваные джинсы и не футболка с Че Геварой. На ней идеально скроенный брючный костюм темно-зеленого цвета - цвет протеста и денег. В руках у неё не мегафон, а тонкий планшет. Она выглядит так, будто приехала не на акцию протеста, а на деловые переговоры.

Рядом с ней суетится журналист с микрофоном телеканала «Бизнес Ньюс».

- Мисс Вильяррубио, вы уверены, что стоило приходить сюда лично? Это может быть расценено как давление на бизнес.

Луана даже не поворачивает головы. Её взгляд устремлён на забор комбината. Она абсолютно спокойна.

- Я здесь не для того, чтобы оказывать давление. Я здесь, чтобы констатировать факты. Факты, которые этот бизнес пытается скрыть за заборами и взятками.

Она нажимает что-то на экране планшета. На большом экране, который активисты развернули рядом, появляется карта местности и графики выбросов.

- Итак, - её голос звучит четко и властно, разносясь над толпой. Она говорит без надрыва, как опытный прокурор в суде.

- «Прометей Кемикалс». Проект стоимостью в два миллиарда. Обещания: новые рабочие места, налоговые отчисления, современные технологии. Реальность: сброс неочищенных стоков в реку Грин-Вейл вот уже три месяца.

По толпе проходит ропот. Кто-то из рабочих за забором останавливается и смотрит в их сторону.

- У меня на руках есть документы, - продолжает Луана, поднимая планшет чуть выше.

- Отчеты независимых экологов. Содержание тяжелых металлов в воде превышает норму в сорок семь раз. Сорок. Семь. Раз. Это не ошибка технологии. Это преступная халатность ради экономики.

Она делает паузу, обводя взглядом сначала толпу, а затем направляя его прямо на камеры.

- Я обращаюсь к владельцу этого комбината, мистеру Альберто Росси. Вы сегодня здесь? Я знаю, что вы получили мое письмо с требованием остановить строительство до проведения аудита. Вы его проигнорировали.

Её голос становится стальным.

- Луана Вильяррубио, глава фонда «Зеленое наследие», официально обвиняет компанию «Прометей Кемикалс» и лично мистера Росси в грубом нарушении экологического законодательства и причинении непоправимого вреда экосистеме региона. Это заявление уже передано в прокуратуру и экологическую инспекцию.

Она опускает планшет и смотрит прямо в объектив главной камеры.

- Мы не уйдем, пока работы не будут остановлены. И я обещаю, что это дело получит максимальную огласку.

Она разворачивается и спокойно идет к своей машине - чёрному представительскому седану с водителем, который ждет ее в стороне от толпы. Она не убегает. Она уходит с поля боя

победительницей, оставляя за спиной шокированных журналистов и озлобленного владельца завода, который уже звонит своему адвокату. Для неё это не протест. Это работа.

Глава 5. Сын Хью

Кабинет Жана Вильяррубио был храмом порядка. Каждая папка на полке, каждая ручка на столе - все находилось на своем строго отведенном месте. Именно здесь решались судьбы не только семьи, но и тысяч людей, зависевших от империи Вильяррубио. Хью сидел в кресле для посетителей, чувствуя себя не сыном и наследником, а провинившимся подчиненным. Он ненавидел эти встречи. Не потому, что боялся отца, а потому, что каждая такая беседа высасывала из него силы. Сегодняшняя тема была особенно неприятной. На столе, на идеально отполированной поверхности, лежал свежий выпуск «Глобал Трейд Ньюс». Заголовок на первой полосе кричал: «Дочь магната обвиняет "Прометей Кемикалс": скандал на миллиарды». Рядом лежала папка с отчетом службы безопасности.

Жан не кричал. Он никогда не кричал. Его голос был тихим, ровным и от этого ещё более пугающим.

- Читай, - он кивнул на папку. - Вслух.

Хью открыл папку. Это был подробный отчет о вчерашней акции протеста. Фотографии Луаны, беспристрастной и безупречной, стоящей перед камерами. Транскрипция её речи. Список контактов, с которыми она встречалась за последнюю неделю.

- Она была там одна? - спросил Жан, не поднимая глаз.

- Нет. С ней были юристы из фонда и пара активистов. Ничего подозрительного.

- Она говорила о нас? О семье?

- Косвенно. Назвала имя России и упомянула «коррупционные схемы», но твоего имени не называла.

Жан наконец поднял взгляд. В его глазах не было гнева, только тяжелая усталость.

- Она не понимает последствий. Она думает, что играет в благородство. Но каждое её слово - это удар по нашим активам. Акции «Прометей Кемикалс» упали на три пункта. России - наш партнёр. Он требует сатисфакции.

Хью молчал. Он знал, что отец прав. Луана жила в мире идеалов, не понимая, что их семья - это и есть система, которую она пытается разрушить. Но от этого ему не становилось легче. Быть частью этого контроля было отвратительно.

- Мы не можем это так оставить, - продолжил Жан, постукивая пальцами по столу.

- Слежка - это временная мера. Нам нужно более... фундаментальное решение.

Он замолчал, глядя на сына. Хью понял, что сейчас от него ждут не отчета, а решения. И тут в голове Хью, человека прагматичного и лишённого сентиментальности, родился план. Идеальный в своей циничности план.

- Отец, - начал он осторожно. - А что, если мы направим её энергию в мирное русло? Что, если мы лишим её возможности действовать?

Жак поднял бровь, приглашая его продолжать.

- Нам нужно её обезвредить. Выдать замуж. За правильного человека. Не за кого-то из её друзей-активистов и не за бесхребетного наследника из другой корпорации. Нам нужен кто-то... управляемый. Кто-то, кто будет держать её дома, занятой детьми и светскими раутами.

Жак слушал очень внимательно. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на одобрение.

- Продолжай.

- Этот человек должен быть достаточно статусным, чтобы она согласилась. Достаточно богатым, чтобы её фонд стал просто её хобби, а не крестовым походом. И главное - он должен быть абсолютно предан нам. Он должен стать нашей гарантией того, что Луана никогда не выйдет на первый план.

В кабинете повисла тишина. Отец и сын поняли друг друга. План был жесток, но эффективен. Они не просто выдадут её замуж. Они купят ей позолоченную тюрьму с видом на детскую и навсегда вычеркнут из игры за власть.

Жан медленно кивнул.

- У тебя есть кто-то на примете?

Хью позволил себе лёгкую улыбку.

- Пока нет. Но я знаю, где искать. Мы найдем идеального кандидата. Того, кто будет ценить статус больше свободы своей жены.

Жан откинулся в кресле и впервые за весь разговор позволил себе расслабиться.

- Займись этим, Хью. Это будет твоим первым по-настоящему важным проектом в корпорации. И самым... деликатным.

Хью встал, чувствуя одновременно и отвращение к себе, и мрачное удовлетворение. Он только что приговорил свою сестру к жизни в кандалах. Но он также обезопасил своё будущее. Он был готов стать палачом её свободы ради своей короны.

После того как они с отцом разработали циничный план по «обезвреживанию» Луаны через брак, Хью не поехал домой. Он сел в свой чёрный седан и приказал водителю:

- В клуб.

Это был не обычный клуб. Это был закрытый стрелковый клуб для элиты Вильденбурга. Место, где звук выстрела заглушает шум мыслей.

Он прошёл в тир в полном одиночестве. Надел защитные наушники, взял пистолет. Мишени были расставлены в конце длинного коридора. Первая пуля вошла точно в «десятку». Затем вторая. И третья.

Он стрелял не для того, чтобы расслабиться. Он стрелял, чтобы почувствовать хоть что-то. Щелчок спускового крючка, отдача в руку - это было единственное реальное ощущение в его пресной жизни. На мишени, нарисованной в виде человеческого силуэта, он представлял не врагов корпорации. Он представлял себя. Того себя, которого он похоронил под слоями прагматизма и долга. Это результат воспитания Жана Вильяррубио. Эмоции - это слабость. Слабость наказуема. С детства Хью усвоил: хочешь выжить и победить - заморозь всё внутри. Он привык прятать чувства, потому что это инструмент выживания. Показать страх или привязанность - значит дать рычаг давления противнику.

Хью Вильяррубио не был рождён игроком для большого бизнеса. Он был им выкован. В свои двадцать шесть лет он выглядел на все тридцать пять - не из-за пережитых драм, а из-за постоянного, изматывающего самоконтроля. Его тело было главным полем битвы, на котором он ежедневно доказывал свою дисциплину.

Он не был высоким. Скорее, среднего, «неприметного» роста, что в сочетании с природной склонностью к полноте делало его фигуру потенциально рыхлой и невыразительной. Но этого не происходило. Под идеально скроенными, всегда безупречно сидящими костюмами скрывалось тело борца. Он проводил часы в тренажёрном зале не для того, чтобы накачать мышцы, а чтобы сжечь каждый лишний грамм жира. Его движения были экономными, лишёнными суеты, но в них чувствовалась скрытая сила сжатой пружины. Он носил одежду так, будто это была его вторая кожа или униформа, которая помогала ему держать форму и не расплываться.

Его лицо было отражением этой внутренней борьбы. В нём не было ни капли отцовской, броской красоты, которая в молодости делала Жана опасным соблазнителем. Лицо Хью было простым, даже заурядным. Широкие, мягкие скулы, которые он постоянно напрягал, придавая лицу более волевое выражение. Тяжёлый, не по годам взрослый подбородок. Кожа была бледной, почти бескровной - он редко бывал на солнце. Глаза серые, холодные, как мокрый гранит. Это был не просто взгляд - это был сканер. Когда Хью смотрел на человека, у того возникало ощущение, что его взвешивают, измеряют и находят либо полезным, либо подле-

жащим утилизации. В этих глазах не было ни тепла, ни любопытства, ни злости. Только сухой, математический расчёт.

Его губы были тонкими и всегда плотно сжатыми. Он редко улыбался, а когда это случилось, улыбка не затрагивала глаз, оставаясь лишь вежливым сокращением лицевых мышц. В целом, внешность Хью была лишена какой-либо запоминающейся черты. Он был похож на тысячи других клерков или молодых менеджеров. Но именно эта обычность в сочетании с ледяным взглядом и абсолютным спокойствием делала его по-настоящему жутким. Хью Вильяррубио - это идеальный инструмент, созданный его отцом для управления империей.

Луана раздражает его до зубовного скрежета. Она - переменная, которую невозможно просчитать. Её выходки, её публичные обвинения, её глупый идеализм - всё это пятна на репутации Вильяррубио. Она ставит под удар всё, ради чего он живёт и дышит. Он видит в ней не сестру, а угрозу стабильности. Но вместе с тем он ей завидует. Эта зависть - его самая страшная тайна. Он завидует её смелости быть собой. Ей плевать на последствия. Она может позволить себе кричать о правде, рисковать всем ради идеи. Он так не может. Каждое его слово, каждый шаг взвешены и выверены. Она живёт, а он - запрограммирован делать все безупречно. И эта мысль иногда сводит его с ума.

Встречи с женщинами для Хью не свидания. Это деловые операции, транзакции по обмену денег на временное, чистое облегчение. Ему некогда любить, ухаживать, испытывать неловкость первых встреч. Любовь - это эмоции, а их он великодушно оставил своей сестре. Сам же Хью предпочитал порядок. Даже в своих пороках он был педантичен: чёткий бюджет, заранее оговоренные условия, никаких привязанностей и пустых обещаний. Его жизнь была идеально спланирована, где для сентиментальной чепухи просто не оставалось места.

Обычно это происходит поздно вечером, когда город затихает, а в его кабинете на столе разложены последние отчёты. Он не звонит сам. Существует один проверенный номер, который хранится не в телефоне, а в потайном блокноте, запёртом в ящике стола.

Звонок короткий и лишённый эмоций:

- Мне нужна встреча. Сегодня. В апартаментах на Виа Монте.

Через час чёрный седан без опознавательных знаков останавливается у неприметного подъезда элитного жилого комплекса в старой части города. Он выходит из машины, одетый так же безупречно, как и днём: темное пальто, шарф, в руках - портфель с документами. Он никогда не оглядывается. Охрана остается внизу. Он поднимается на лифте в абсолютной тишине. Его лицо непроницаемая маска. В эти моменты он не думает ни о корпорации, ни о Луане, ни о планах отца. Его сознание пустое, как экран выключенного монитора.

Дверь в апартаменты всегда открывает она. Всегда разная, но всегда отвечающая его негласным требованиям: красивая, ухоженная, молчаливая и, главное, профессиональная. Она одета в элегантное платье, а не в вульгарный наряд. От нее исходит дорогой аромат.

- Добрый вечер, мистер Вильяррубио, - говорит она мягким, спокойным голосом.

Он лишь кивает в ответ. Никаких имён. Никаких вопросов «как прошёл твой день». Это не визит кавалера к даме. Это визит клиента к поставщику услуг.

Он проходит в гостиную, обставленную с хорошим вкусом, и наливает себе виски из бара. Она никогда не предлагает ему выпить - просто знает его привычки. Она садится напротив, закинув ногу на ногу, и ждет. Разговор светский и ни к чему не обязывающий: о погоде, о новой выставке, о курсе акций (иногда). Это прелюдия, но не любовная, а ритуальная. Напряжение дня медленно отпускает его плечи. Когда он ставит стакан на столик, это знак. Она встает и подходит к нему. Её прикосновения умелые и уверенные. Она знает своё дело. В этом нет страсти или нежности - есть лишь техника и понимание мужской физиологии.

Для Хью это похоже на сеанс у высококлассного массажиста после изнурительной тренировки. Тело расслабляется, голова становится пустой. Он позволяет себе закрыть глаза и ни о чём не думать. На эти полчаса он перестает быть Хью Вильяррубио, наследником империи.

Он становится просто телом, которому требуется разрядка. Всё заканчивается так же быстро и эффективно. Он приводит себя в порядок в безупречной ванной комнате. Она подает ему чашку крепкого кофе. Перед уходом он оставляет конверт на столике у двери. В конверте - сумма, вдвое превышающая стандартный тариф. Не за услуги. За молчание и профессионализм.

Он выходит из апартаментов таким же собранным и холодным, каким и вошел. Он садится в машину и едет домой или обратно в офис. Напряжение снято. Эмоциональный аккумулятор обнулен. Он возвращается в свой упорядоченный мир, где всё под контролем. И именно там ему комфортнее всего. Отношения с отцом у Хью были деловыми и доверительными, насколько это вообще возможно в их семье. Жан Вильяррубио гордился сыном - тот был его точной копией: прагматик до мозга костей, жёсткий бизнесмен, унаследовавший хватку отца. Но при всей своей черствости Жан оставался человеком старой закалки и видел в детях прежде всего свое продолжение, главное наследие. И лишь одна позиция сына по-настоящему напрягала его: отсутствие планов на семью. Ведь наследие без наследников - это бессмысленный капитал. Разговор об этом состоялся однажды вечером в кабинете Жана. Он сидел за своим массивным столом, просматривая отчёты о поглощении «Меркурия» в Оазис Лэйк. Он долго молчал, хмурия брови, а затем отложил бумаги и посмотрел на сына поверх очков. В его взгляде не было гнева, лишь сухая деловая озабоченность.

- Хью, - начал Жан тем самым тоном, которым обычно говорил с подчиненными. Он отложил ручку и сцепил пальцы в замок. - Тебе двадцать шесть. Пора начать думать не только о поглощении «Меркурия», но и о своём продолжении. О детях.

Он сделал паузу, внимательно глядя на сына. Хью сидел в кресле напротив, сохраняя видимое спокойствие.

- Я говорю не о быстрой свадьбе по любви или страсти, - продолжил Жан, и в его голосе проскользнули нотки нетерпения. - Брак для людей нашего уровня - это долгосрочный проект. Он должен быть рассчитан и просчитан. Слишком много охотниц за нашими деньгами, чтобы действовать импульсивно. Поэтому я прошу тебя не жениться завтра, а серьёзно об этом задуматься. Уже пора.

Хью внимательно посмотрел на отца. На его лице не дрогнул ни один мускул.

- Отец, я ценю твою заботу, - его голос звучал ровно и спокойно. - Но сейчас моё внимание полностью сосредоточено на проекте в Оазис Лэйк. Он требует всего моего времени и ресурсов. Давай обсудим это позже, когда ситуация стабилизируется.

Это был идеальный ответ. Не прямой отказ, но и не обещание. Жан пожевал губами, признавая весомость аргументов сына. Бизнес - это святое.

Жан тяжело вздохнул и снова перевёл взгляд на документы.

- Подумай об этом, Хью. Просто подумай, - сказал он уже мягче, возвращаясь к цифрам на бумаге.

Хью едва заметно кивнул, принимая слова отца к сведению так же, как принимал данные о квартальной прибыли. Тема была закрыта. Порядок был восстановлен. А мысли о семье и любви... они остались в той части его сознания, которую он давно запер на ключ.

Глава 6. Младший сын Макс

Максимилиан Вильяррубио, которому было почти 19 лет, был воплощением неукротимой, почти раздражающей молодости. Он был высоким, но в его росте не было ни капли монументальности или тяжеловесности. Напротив, его стройность делала его силуэт легким, почти летящим. Это была не худоба, а естественная, незамутненная грация, дар природы, который он воспринимал как должное. Его тело, ещё не до конца оформившееся, напоминало тело молодого зверя, который слишком полон жизни, чтобы стоять на месте: гибкое, жилистое, состоящее из одних лишь сухожилий и тренированных мышц, которые играли под кожей при каждом, даже самом незначительном движении. В нём действительно было что-то от подростка, который еще не научился контролировать свою кипучую энергию. Его движения были резкими, нетерпеливыми. Он не ходил, а перемещался - стремительно, порывисто, словно постоянно опаздывал на встречу с самим собой. Он не мог сидеть спокойно: то и дело закидывал ногу на ногу, отбивал пальцами по столу рваный ритм только ему слышной музыки или просто раскачивался на стуле, рискуя рухнуть назад. Но эта юношеская порывистость уравнивалась врождённой, почти животной грацией. В его теле не было ни грамма неуклюжести. Он двигался с плавностью, которая казалась абсолютно естественной, как у дикой кошки, пробирающейся сквозь заросли. Он мог ворваться в комнату, как ураган, и в ту же секунду упасть в кресло в позу, достойной модного журнала.

Его лицо было таким же противоречивым. Резкие, но правильные черты: высокие скулы, упрямый подбородок и дерзкая улыбка, которую он любил демонстрировать. Глаза - тёмные, почти чёрные в полумраке - были самой живой его частью. В них плясали черти, отражался каждый мимолетный импульс. Взгляд был развязным, вызывающим, оценивающим. Если бы он захотел, он мог бы слепить из себя идеал, но сама идея дисциплины и усилий вызывала у него почти физическое отвращение. Зачем строить тело, когда можно просто жить на полную катушку? Его внешность была не результатом работы над собой, а лишь случайным, прекрасным приложением к его взрывному характеру. Он был красив своей дикостью и опасен своей непредсказуемостью. Макс был вечным тусовщиком. Университет он бросил с лёгкостью, с какой другие выбрасывают окурки. «Зачем мне диплом? - говорил он с наглой ухмылкой. - Отец всё равно отвалит мне столько денег, что я не успею их потратить». Карьера была для него пустым звуком, уделом неудачников вроде его брата Хью.

Его мир был миром «золотой молодежи». Скорость и рёв мотора были его страстью. Он менял спорткары чаще, чем другие меняют носки. Он был завсегдатаем самых закрытых и дорогих заведений. Там он был не просто гостем, а королём. Его жизнь проходила в люксах пентхаусов с видом на океан или мегаполис. Красивые девушки были его трофеями. И женщины действительно в него влюблялись. Он обладал сокрушительным магнетизмом. В нём не было лоска Хью или обаяния интеллектуала. В нём была первобытная, дикая сила. Его взгляд - тяжёлый, тёмный, немигающий - действовал на них гипнотически. Это был взгляд удава, который уже обвил свою жертву и начал медленно сжимать кольца. Его стиль общения с женщинами не был ухаживанием - это было покорение. Отношения с ними становились игрой в одни ворота. Его привлекали красивые, уверенные в себе «львицы», которые теряли всю свою спесь под его взглядом, превращаясь в покорных домашних кошек. Удовольствие он получал не столько от секса, сколько от самого процесса порабощения. Победителем он был по натуре, но не в бизнесе или спорте, а в этой вечной игре соблазнения и доминирования. Брал то, что хотел, и уходил, оставляя за собой лишь обожание и разбитые сердца. Ядовитый цветок - смертельно красивый и абсолютно недоступный для любых настоящих чувств.

В семье его считали позором, но даже Жан Вильяррубио понимал: пытаться контролировать Макса - всё равно что пытаться поймать молнию голыми руками. Макс Вильяррубио был не просто позором семьи, он был её ходячей, дымящейся катастрофой. Если Луана разрушала репутацию семьи идеализмом, то Макс делал это с размахом, шумом и полным отсутствием тормозов. Его имя в светской хронике было синонимом скандала. Не проходило и месяца, чтобы имя Макса не упоминалось в СМИ.

«Гонки на выживание» - это был, пожалуй, самый громкий скандал. Макс, находясь в состоянии сильного алкогольного и наркотического опьянения, устроил ночные гонки по узким улочкам на своём новом спорткаре. Закончилось всё тем, что он врезался в витрину дорогого бутика. Обошлось без жертв, но ущерб был колоссальным, а фотографии пьяного наследника Вильяррубио, которого полиция вытаскивает из искореженной машины, облетели все мировые таблоиды. Заголовки гласили: «Золотой мальчик на золотом авто: цена безрассудства».

Скандал в ночном клубе «Сфера». Макс подрался с наследным принцем Султаната Аль-Сар, из-за того, что тот «не так посмотрел» на его спутницу. Драка была короткой, но жестокой. Макс, будучи трезвее и быстрее, отправил наследника в нокаут одним ударом. Дело удалось замять с помощью огромных отступных, но репутация «дикого мальчика» закрепилась окончательно.

Вечеринка на яхте «Солярис». Макс арендовал самую большую яхту в Средиземноморье и устроил трехдневную вечеринку, которая закончилась вызовом береговой охраны. Гости прыгали с борта в море, громили интерьер, а сам Макс, по слухам, выбросил за борт телевизор стоимостью более 50 тысяч просто потому, что ему не понравился фильм.

Жан никогда не кричал на Макса. Он его просто не замечал. Для него Макс был не сыном, а досадным пятном на репутации семьи. «Уберите его с глаз моих», - это была самая частая фраза Жана, когда ему докладывали об очередном «подвиге» младшего сына. Он решал проблемы деньгами и влиянием. Штрафы за гонки, отступные за драки, взятки журналистам - всё это проходило по статье «непредвиденные расходы на утилизацию отходов». Он смотрел на Макса с безразличием, как на биологический сбой в идеальной системе.

Хью ненавидел выходки Макса не из братских чувств, а из чистого прагматизма. Каждый скандал Макса бил по активам корпорации. Акции падали, партнёры нервничали, совет директоров бросал на Хью сочувственно-осуждающие взгляды. Он воспринимал брата как некомпетентного сотрудника, которого невозможно уволить. Его реакция всегда была одной и той же: он закатывал глаза, брал телефон и начинал звонить юристам и PR-менеджерам, чтобы минимизировать ущерб. Он не пытался воспитывать Макса - это было бесполезно. Он просто «тушил пожары», которые тот устраивал.

Луана презирала Макса больше всех. Она видела себя борцом за правое дело, а его - пустым прожигателем жизни. Его скандалы казались ей верхом пошлости и глупости. Она считала, что он позорит не только имя отца, но и саму идею быть Вильяррубио. В её мире власть должна быть тихой и незаметной, а он кричал о ней через пьяные дебоши. Она избегала его общества и при любой возможности публично дистанцировалась от него. Для неё он был живым доказательством того, что богатство без цели порождает только гниль.

Глава 7. Ужин, изменивший всё

Луана приземлилась в мегаполисе, где воздух был пропитан запахом бетона и выхлопными газами, - полная противоположность ее родной, продуваемой морскими ветрами Вильденбургской атмосфере. Информация о сбросе химикатов жгла ей руки. Она не стала тратить время на звонки и письма, которые наверняка затерялись бы в приёмных «LandraGlobal». Она - общественный деятель, и её оружие - публичность и личная настойчивость.

Офис корпорации «LandraGlobal Innovations» был похож на неприступную крепость. Луана подошла к стойке регистрации.

- У меня встреча с Мэлвиллом Ландграфом.

Секретарь, даже не взглянув на неё, покачала головой:

- В списке вас нет. Встреча невозможна.

Луана молча положила на стойку флешку. Рядом она оставила свою визитку.

- Здесь копии документов. На флешке - доказательства экологического преступления. На визитке - мой номер и контакты трёх главных редакторов новостных агентств. Передайте ему, что у него есть десять минут.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и села в кресло для посетителей, всем своим видом показывая, что не сдвинется с места. Это сработало. Не прошло и пяти минут, как к ней вышел личный помощник Мэла - безупречно одетый молодой человек с непроницаемым лицом. Он был вежлив, но холоден. Он сообщил, что график господина Ландграфа расписан на месяц вперёд. Луана улыбнулась уголком губ. «Передайте ему, что я готова ждать. И передайте, что речь идет не о деньгах. Речь идёт о мертвой реке и детях с врожденными патологиями в трехстах километрах отсюда». Через полчаса её проводили в зону ожидания для VIP-персон.

Она вошла в кабинет. Мэлвилл Ландграф оказался совсем не таким, каким она его представляла по фотографиям в журналах. Взгляд был не надменным, а скорее усталым и оценивающим. Он не предложил ей сесть.

- Мисс...? - он сделал паузу, ожидая, что она представится.

- Луана Вильяррубио.

- Я знаю вашу семью. Ваш отец... известная личность.

- Я здесь не как дочь своего отца, мистер Ландграф. Я здесь как представитель организации «Зеленое наследие». У нас есть данные о сбросе необработанных фенолов в реку Ла-Брюн вашим дочерним предприятием в прошлом квартале. Она положила на стол папку с документами. Мэл даже не взглянул на нее. Он оторвался от экрана ноутбука и устало потёр переносицу. Он выглядел не просто уставшим, а выжатым как лимон после долгого, изнурительного дня, полного цифр, графиков и бесконечных согласований.

- Мисс Вильяррубио, - его голос был спокойным, почти мягким. - Вы проделали долгий путь. В моем кабинете сейчас не самая подходящая обстановка для серьезных разговоров. Здесь невыносимо душно. А вы, должно быть, голодны.

Он откинулся в кресле и посмотрел на неё не как на юриста конкурирующей стороны, а как на человека.

- Я приглашаю вас на ужин. Не для того, чтобы обсуждать ваши... находки. А просто чтобы поесть. В конце концов, разговор на пустой желудок редко бывает продуктивным.

Это было настолько неожиданно и так просто, что Луана на секунду потеряла дар речи. Она ожидала агрессии, отрицания, попытки подкупа или угроз. Она готовилась к битве. А вместо этого получила приглашение на ужин, высказанное тоном заботливого, но очень занятого дядюшки. Профессиональная хватка подсказывала ей отказаться. Требовать официального ответа здесь и сейчас. Но что-то в его глазах - не похотливый интерес мужчины к жен-

щине, а спокойный, оценивающий взгляд одного умного человека на другого - остановило ее. Она ждала игры в кошки-мышки. А он поступил открыто, не прибегая к уловкам.

Луана медленно кивнула.

- Хорошо.

Её согласие было продиктовано не правилами этикета, а жгучим любопытством. Что это? Хитрый ход? Попытка усыпить её бдительность? Или... он действительно настолько уверен в себе? Эта простота обескураживала её больше любой угрозы.

Ресторан находился на крыше небоскрёба. Панорамные окна открывали вид на город, который отсюда казался игрушечным. Они сидели за столиком у самого стекла. Официант разлил вино. Первые пятнадцать минут они все таки поговорили о деле. Мэл задавал точные, неудобные вопросы. Он не отрицал проблему, он препарировал её. Он говорил о логистике, о штрафах, о репутационных рисках спокойно, методично и с абсолютной уверенностью. Луана была вынуждена признать: он блестяще разбирался в теме.

Но постепенно вектор разговора изменился. Он начал спрашивать о ней.

- Почему Вильденбург? Это ведь не центр экологической катастрофы.

- Потому что там мой дом. И я не хочу, чтобы он превратился в то же самое, что мы видим здесь.

- Вы очень молоды для такой... бескомпромиссной позиции.

- А вы слишком молоды для того, чтобы нести ответственность за империю размером с небольшую страну.

Он рассмеялся - искренне, от души. Этот смех разрушил последнюю стену между ними. Луана очнулась, поймав себя на том, что уже несколько минут смотрит не на его руки, жесты-кулирующие над бокалом, а на его лицо. На то, как меняется его выражение, когда он говорит о чём-то сложном. Разговор перетёк на книги, музыку, путешествия. Мэл оказался начитанным и ироничным собеседником. Он больше не был для неё просто «наследником корпорации-загрязнителя». Он был мужчиной. Уверенным в себе, умным и чертовски харизматичным.

Когда принесли десерт, Луана поняла, что тема экологии исчерпала себя сама собой. Ей было абсолютно всё равно, что будет с протоколами утилизации сегодня вечером. Ей было интересно лишь то, что скажет Мэл в следующую секунду. Она смотрела на него через стол, и все её принципы и убеждения растворились в блеске городских огней за окном и в глубине его взгляда.

Ужин закончился поздно. Они вышли на крышу, где дул прохладный ветер.

- Так что там с рекой Ла-Брюн? - тихо спросил он, стоя совсем близко.

Луана улыбнулась:

- Кажется, это может подождать до завтра.

В этот момент она осознала: она прилетела сюда уничтожить его репутацию, а вместо этого позволила ему уничтожить свою решимость.

Первые лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь окна гостиничного номера, рисовали на стенах длинные, золотистые полосы. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь размеренным дыханием спящего мужчины. Луана лежала неподвижно, боясь спугнуть этот момент. Она смотрела на Мэла. Сейчас, когда он спал, с его лица исчезла маска сдержанности и легкой иронии, которую он носил как защиту от внешнего мира. Черты смягчились. Она заметила, как ему хорошо без очков - лицо казалось более открытым, почти беззащитным. Его светлая кожа, лишь слегка тронутая загаром, контрастировала с белоснежной подушкой. Длинные ресницы отбрасывали едва заметные тени на щеки. Он выглядел моложе, спокойнее. В нём не было ни властности наследника империи, ни цинизма бизнесмена. Луана поймала себя на мысли, что не просто рассматривает его. Она им любит. Это открытие испугало её больше, чем всё остальное. Ночь была удивительной - это был не просто секс в другом городе, не мимолет-

ная интрижка. Это было полное, абсолютное слияние, когда исчезли все барьеры: социальные, идеологические, личные. Она чувствовала себя так, будто с неё содрали кожу, оставив абсолютно беззащитной.

И именно в этот момент веки Мэла дрогнули. Он открыл глаза. Его взгляд, еще затуманенный сном, сфокусировался на ней не сразу. В нём не было ни удивления, ни самодовольства. Только теплая, сонная нежность.

- Ты не уехала, - его голос был хриплым после сна.

- Я... проспала, - солгала она, хотя оба понимали, что это неправда.

Он протянул руку и его пальцы легко скользнули по её скуле, убирая непослушную прядь. Этот простой жест сказал больше любых слов. Они оба понимали: это не может продолжаться. У неё был обратный билет на вечерний рейс в Вильденбург. У него - совет директоров через два часа.

Они не говорили о том, что произошло. Слова казались слишком грубыми для той хрупкой материи, что возникла между ними за эту ночь. Вместо этого они говорили о пустяках.

- Твой кофе ужасен.

- Это потому что ты привыкла к европейским стандартам.

- А ты к растворимому из аппарата в офисе?

Они смеялись, но смех был нервным. Когда пришло время уходить, сборы превратились в мучительный ритуал. Луана натягивала своё платье в ванной, чтобы он не видел её лица. Она смотрела на себя в зеркало и видела чужую женщину - женщину, чьи глаза сияли от проведенной ночи и чьё сердце сжималось от тоски.

В лобби отеля царил гул делового утра. Они стояли у выхода на улицу, где её уже ждало такси.

- Я проверю данные по Ла-Брюн, - сказал он тихо, глядя ей в глаза. - Лично.

- Спасибо.

Это было всё. Никаких обещаний звонить. Никаких планов на будущее. Они оба понимали цену этой ночи. Для неё это было бегством от реальности и одновременно самым глубоким погружением в нее за всю жизнь. Она встретила человека по ту сторону баррикад и обнаружила, что он - не монстр из её плакатов, а живой мужчина со своими слабостями и силой. Для Мэла Луана стала запретной дверью в мир, где есть только голая страсть и вожделение. В отличие от спокойной Кэсси, Луана была сгустком энергии: яростной, честной и бесстрашной. И только с ней он почувствовал себя не мистером Ландграфом и не просто Мэлом, а мужчиной, захваченным врасплох чувством, которого никогда прежде не испытывал и от которого весь остальной мир отошел на второй план. Как он ни старался вернуть себя в прежнюю оболочку, она была безвозвратно потеряна этой ночью с Луаной.

Такси тронулось с места. Луана смотрела на его фигуру до тех пор, пока она не превратилась в маленькую точку и не исчезла совсем. Она ехала в аэропорт с тяжёлым сердцем и ясным пониманием одного: она никогда больше не будет прежней. И дело было уже совсем не в экологии.

Глава 8. Возвращение Мэла в ОазисЛэйк

Раннее утро в Оазис Лейк выдалось нетипично прохладным и туманным. Мэл вернулся из командировки раньше, чем планировал, и надеялся, что успеет привести себя в порядок до прихода Кэсси. Он рассчитывал, что она, как обычно, уже на репетиции, а значит, у него будет время побыть одному, принять душ и собраться с мыслями перед рабочим днём. Но, открыв дверь, он замер: в прихожей стояла она.

Кэсси не спала всю ночь. Она ждала его возвращения, не находя себе места от волнения. В её душе бушевала буря: страх перед переменами, тоска по уходящей карьере и одновременно - новое, трепетное чувство к той жизни, что зародилась внутри неё. Она не знала, как начать разговор, как сказать ему о ребёнке, когда сама еще не разобралась в своих чувствах. Они встретились взглядами. В глазах Кэсси читалась усталость и тревога, но и нежность. Мэл же чувствовал себя загнанным в угол. Его разрывали противоречия: с одной стороны - всепоглощающее чувство вины перед женой за ночь с Луаной, с другой - навязчивое, почти болезненное желание повторить это запретное приключение. Он боялся, что Кэсси заметит эту перемену в нем, увидит фальшь в его улыбке.

- Ты... еще дома, - его голос прозвучал глухо и неестественно.

Кассандра сделала шаг навстречу, но остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену.

- Я хотела тебя встретить. Я... скучала.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь найти того мужчину, которого провожала месяц назад. Но перед ней стоял кто-то другой - более чужой и отстраненный.

- Всё в порядке? Ты выглядишь уставшим.

Мэл провёл рукой по лицу, избегая ее прямого взгляда.

- Да. Просто долгий перелёт. Много работы.

Повисла неловкая пауза. Кэсси кусала губы, собираясь с духом. Она понимала, что момент для главного разговора неподходящий - он был вымотан и явно что-то скрывал. Но и молчать больше не могла.

- Мэл... мне нужно тебе кое-что сказать. Это важно.

Он напрягся. В голове пронеслась мысль: «Она всё знает? Про Луану?». Сердце забилося чаще.

- Что случилось? У тебя всё хорошо?

Кэсси глубоко вздохнула, ее пальцы нервно сжали край кофты.

- Я была у врача, - начала она тихо. - Я... беременна.

Слова повисли в воздухе как приговор. Для Кэсси это было признание в её собственном поражении и одновременно - в зарождающейся надежде. Для Мэла это был сбивающий с ног удар. В одно мгновение чувство вины за измену стало невыносимым. Он смотрел на неё - такую хрупкую, уставшую, но невероятно красивую в своей решимости - и понимал, что достоин ни её любви, ни этого ребёнка. Но вместе с раскаянием внутри снова шевельнулось то самое эгоистичное желание: «Хочу ее снова». Это было чудовищно.

Он сделал шаг к ней и обнял её - крепко, почти отчаянно.

- Кэсси... Это... это лучшая новость за всю мою жизнь.

Он говорил искренне. Радость от известия о ребёнке была настоящей и огромной, но она смешивалась с горечью его собственного предательства. Он целовал её волосы, чувствуя солёный привкус её слез на щеке, и ненавидел себя за то, что его мысли были так далеки от чистоты этого момента. Кэсси прижалась к нему всем телом. В его объятиях она искала защиты и опоры, которых ей так не хватало в эти бессонные ночи. Она ещё не знала о его измене,

но чувствовала: что-то не так. Его объятия были крепкими, но в них была какая-то новая, незнакомая ей боль. В этот момент они оба стояли на пороге новой жизни, но каждый из них был заперт в своей собственной клетке из лжи и сомнений. Их будущее зависело от того, смогут ли они найти в себе силы быть честными друг с другом или их тайны разрушат то хрупкое счастье, которое только-только начало зарождаться.

После возвращения Мэла напряжение в доме постепенно спало. Кэсси, чувствуя его поддержку, немного успокоилась. Теперь она была не одна, и это придавало ей сил. Мысль о предстоящем материнстве все еще пугала, но рядом был человек, готовый разделить с ней любые трудности. Однажды вечером, когда они сидели в гостиной, Кэсси взяла его за руку и тихо сказала:

- Мэл, я хочу, чтобы ты поехал со мной на УЗИ. Я... боюсь идти одна.

Он сжал её ладонь и кивнул, не в силах скрыть волнения:

- Конечно. Я буду рядом.

День обследования выдался солнечным, но в клинике оба чувствовали себя скованно. Кэсси нервно теребила край шарфа. Мэл старался казаться спокойным, но внутри у него всё сжималось от чувства вины. Он смотрел на жену и думал о том, как недостойн её доверия, как обманывает её своим внешним спокойствием.

Когда их пригласили в кабинет, врач улыбнулась и попросила Кэсси лечь на кушетку. Холодный гель коснулся живота, и на экране появилось размытое изображение. Врач начала водить датчиком, всматриваясь в монитор.

- Так-так... - произнесла она улыбаясь. - Вижу сердцебиение... И ещё одно.

Кэсси и Мэл переглянулись. В их взглядах читался немой вопрос.

- Простите? - переспросил Мэл, чувствуя, как пересохло в горле.

Врач повернула к ним экран и увеличила изображение. На тёмном фоне четко выделялись два маленьких пятнышка, и от каждого отходила пульсирующая точка.

- У вас двойня. Два здоровых сердечка бьются в унисон.

В кабинете повисла тишина. Кэсси смотрела на экран широко раскрытыми глазами. Она ожидала увидеть одного ребёнка, готовилась к этому, но теперь реальность превзошла все её страхи и сомнения. Два сердца. Две жизни. Это было одновременно и невероятно прекрасно, и пугающе. Мэл ощутил, как внутри всё сжалось. Его вина перед женой стала казаться ещё тяжелее. Он смотрел на эти крошечные пульсирующие точки и понимал: теперь он отвечает не за одну жизнь, а сразу за три - за жизнь Кэсси и двух малышей. Радость смешивалась с ужасом от осознания своего предательства.

- Двойня... - прошептала Кэсси, и по её щеке скатилась слеза.

Мэл накрыл её руку своей ладонью.

- Мы справимся, - сказал он твёрдо, хотя голос дрогнул. - Мы со всем справимся.

Выйдя из клиники, они шли молча. Кэсси прижимала к себе снимок УЗИ, не веря своему счастью и одновременно страшась будущего. Мэл шёл рядом, погружённый в свои мысли. Вид двух бьющихся сердечек стал для него приговором: теперь он не имел права на ошибку. Он должен был стать тем мужчиной, которого заслуживала его жена и их дети, даже если сам себя таким не чувствовал. В тот день их жизнь изменилась навсегда: впереди ждала огромная ответственность и испытание чувств на прочность...

С появлением на свет близнецов жизнь Кэсси и Мэла стала подчинена новому, размеренному, но насыщенному ритму. Их дом в Оазис Лейк наполнился запахом детского крема и присыпки. Дочь Элси и сын Джулиан - светловолосые, как отец, с озорными искорками в глазах - стали центром их вселенной.

Кэсси с трудом, но всё же вернулась в профессию. Мир музыки за время её отсутствия изменился до неузнаваемости: пришло новое поколение молодых и дерзких, готовых работать на износ, не зная усталости. Гастрольные туры, бессонные ночи в студиях, постоянное давление

- всё это теперь было для нее недоступно. Материнство научило её ценить время, проведенное с семьёй, и она уже не могла жертвовать сном и душевным спокойствием ради карьеры. Ей пришлось перестроиться. Она отказалась от концертной деятельности и сделала ставку на то, в чём ей не было равных - на написании музыки. Из маленьких зарисовок, мелодичных марочек, которые она напевала детям перед сном, стали рождаться настоящие хиты. Её композиции звучали в рекламе, кино и на радио. Это не приносило баснословных гонораров, но обеспечивало стабильный доход и, что важнее, позволяло ей оставаться в профессии, не отрываясь от дома.

Главный секрет её успеха и душевного равновесия - пожилая помощница по имени Агнес. Эта мудрая и добрая женщина стала для Кэсси настоящим спасением. Без неё совмещение творчества и ухода за двумя маленькими детьми было бы невозможно. Агнес с лёгкостью управлялась с вечным бардаком из подгузников и нот: пока Кэсси была погружена в работу за роялем или ноутбуком, Агнес кормила малышей, гуляла с ними и укладывала спать. Кэсси души не чаяла в своей помощнице и часто говорила Мэлу, что Агнес - это их ангел-хранитель.

Мэл же полностью посвятил себя карьере. Его успехи в корпорации отца были впечатляющими. Он проявил себя как талантливый руководитель и стратег, так что Берт Ландграф наконец смог со спокойной душой передать ему бразды правления и задуматься о заслуженном отдыхе. Теперь Мэл часто задерживался на работе, но всегда старался находить время для семьи. Возвращаясь домой, он с удовольствием играл с детьми, читал им сказки или просто наблюдал, как они возятся на ковре.

Их будни были похожи на калейдоскоп: утренняя суэта, завтрак под рассказы Агнес, работа Кэсси в студии под аккомпанемент детского смеха из соседней комнаты, возвращение Мэла, семейные ужины и тихие вечера. Конечно, случались и бытовые ссоры - усталость давала о себе знать, - но они быстро сходили на нет. В их доме царила атмосфера любви и взаимного уважения. Они научились быть не только супругами и партнерами, но и настоящей командой, где каждый поддерживал другого. Кэсси больше не сомневалась в своём выборе: музыка и семья сплелись для нее в единое целое, а Элси и Джулиан стали ее главным вдохновением.

Глава 9. Призрак из прошлого

Мэл стоял на пороге сделки десятилетия. Проект «Феникс», запущенный совместно с «Вильяррубио Групп», должен был вывести его корпорацию на совершенно новый уровень, объединив передовые технологии и политическое влияние. Он был полностью погружен в эти дела, чувствуя себя на посту отца более чем уверенно.

В то же самое время, в другой части света, в штаб-квартире «Вильяррубио Групп», та, с кем эта сделка связывала его судьбу, тоже готовилась к решающему шагу. От той Луаны Вильяррубио, которая была три года назад, не осталось и следа. Яростный огонь экологического активизма в ней догорел, оставив после себя лишь пепел профессионализма. Она стала тем, кем её всегда хотел видеть отец, - высококлассным корпоративным юристом, чьё имя проносили шепотом в кулуарах власти.

Жан вызвал Хью и Луану к себе в кабинет. Это был не диалог, а объявление решения.

- Проект «Феникс» требует полного контроля, - голос Жана был тихим и непреклонным.
- Слишком много лазеек. Слишком много рисков.

Хью кивнул, глядя на сестру с непроницаемым лицом.

- Нам нужен свой человек внутри «LandraGlobal». Юрист с безупречной репутацией и стальными нервами.

Жан перевёл взгляд на Луану.

- Это будешь ты. Хью был доволен тем, что старый отложенный план по замужеству его сестры был активирован по-новой. Тем более, что Луана теперь представляла серьезную конкуренцию для него. Отец стал воспринимать её как равного партнера в своих делах. Ей ничего не оставалось, как принять предложение отца. Она посмотрела на Хью. Его лицо было каменным, но в глазах на долю секунды мелькнуло удовлетворение. Он выиграл этот раунд.

Луана вернулась в свою квартиру и закрыла дверь. Она не позволила себе ни одной слезинки. Вместо этого она начала действовать, как готовилась бы к самому важному процессу в своей жизни. На следующее утро она вылетела в Оазис Лэйк. В самолете в её голове звучала одна мантра: «Это сделка. Это контракт. Он - клиент. Оппонент. Не человек». Это было сложно. Луана следила за ним все эти несколько лет. Это стало её тайной, изнурительной привычкой, которую она маскировала под «мониторинг конкурентов». Находясь за тысячи километров от него она выстроила целую систему наблюдения за успехами Мэла.

Каждое утро она просматривала не только деловые издания, но и специализированные научные журналы. Она знала о его открытиях, о новых формулах, о патентах, которые он регистрировал. Она читала его статьи (часто в соавторстве), пытаясь проникнуть в суть его научной мысли. Для неё, юриста, его язык формул и биологических процессов был сродни магии. Она отслеживала котировки акций «LandraGlobal Innovations». Она знала о каждом запуске нового продукта. Она видела, как его научное видение превращалось в многомиллиардную империю. Она анализировала его как бизнесмена и восхищалась тем, как он сумел подчинить себе мир денег, оставаясь учёным.

Она искала его имя в разделах светской жизни. И на каждой фотографии рядом с ним была она - Кэсси. Его муза. Его жена. Луана досконально изучила её лицо. Она знала, как Кэсси улыбается, глядя на него с обожанием. Она знала наизусть всё: какие марки одежды предпочитает, какой у нее любимый парфюм, что заказывает в ресторанах. Она ненавидела эту женщину, но методично прослушивала каждый трек, выпущенный под авторством Кэсси. Луана препарировала её жизнь, как ботаник изучает редкую бабочку. Единственное, чего она не могла - это наколоть успешную «бабочку» на булавку и отправить в коллекцию ненужных

трофеев. Луана отчетливо понимала корень этой ненависти: дело было не в зависти. Просто Мэл достался не ей. Её опередили.

Чувства к Мэлу стали для Луаны хроническим ядом, который она принимала каждый день. Это было мучительное восхищение его умом. Она видела в нем титана, человека, меняющего мир открытиями, тогда как сама была заперта в клетке юридических прецедентов. Её любовь не умерла — она переродилась в тихую, привычную боль. Он жил полной жизнью за тысячи километров, окруженный наукой и семьей. Луана похоронила эти чувства под тоннами корпоративной работы. Но стоило ей увидеть его имя в заголовке статьи об очередном прорыве, как земля на этой могиле осыпалась, и призрак её любви снова вставал во весь рост.

Самолёт коснулся взлетной полосы аэропорта Оазис Лэйк, и сердце Луаны забилося чаще. Не от страха полета, а от осознания того, что она здесь. В городе, где живет он. Не поднимаясь в номер, она оставила чемодан у портье и, назвав адрес офиса «LandraGlobal», села в такси. Ей нужно было сделать это немедленно. Сбросить с себя эту тяжесть, как змея сбрасывает старую кожу. Такси остановилось у подножия небоскреба из стекла. Зеркальная поверхность здания отражала безжалостное пустынное солнце. Луана расплатилась и вышла, чувствуя, как каблуки тонут в мягком ковре вестибюля. Охрана проверила её документы, и через минуту она уже поднималась в лифте на самый верхний этаж.

Двери бесшумно открылись, выпуская её в приёмную. Секретарь, молодая девушка с безупречной укладкой, подняла на неё глаза.

- Мисс Вильяррубио? Мистер Ландграф ждёт вас.

Она не успела ответить. Дверь кабинета открылась.

Он стоял на пороге.

Мэлвилл Ландграф.

Три года. Для него они прошли под знаком успеха и науки. Он стал ещё более уверенным в себе, его движения приобрели властность человека, привыкшего повелевать не только формами, но и людьми. Но очки в тонкой оправе всё так же сидели на его переносице, а глаза за стеклами очков были всё теми же - умными и немного усталыми. Он был не один. Рядом с ним стояла женщина. Кэсси.

Луана почувствовала, как раскаленная игла пронзила грудь. Она читала о ней всё, что могла найти. Видела сотни её фотографий. Но реальность оказалась в тысячу раз больнее. Кэсси была не просто красива. Она была воздушной, нереальной, почти эфемерной. В ней чувствовалась та творческая лёгкость, которой так не хватало миру Луаны. Она держала Мэла под руку с такой естественной нежностью, что это выглядело как произведение искусства.

- Луана, - голос Мэла был ровным, профессионально-вежливым. Он сделал шаг вперёд, но не к ней, а в сторону, освобождая проход.

- Рад тебя видеть.

Кэсси улыбнулась - открыто и дружелюбно.

- А вы, должно быть, та самая Луана Вильяррубио? Мэл так много о вас говорил. Как о лучшем юристе в этой части света.

Луана заставила свои губы изогнуться в ответной улыбке. Это была самая сложная роль в ее жизни.

- Миссис Ландграф. Приятно познакомиться. Мистер Ландграф... - она перевела взгляд на него. Их глаза встретились на долю секунды. В его взгляде не было ничего. Пустота. Профессиональный интерес.

- Проходи, - он жестом пригласил её в кабинет. - Кэсси как раз собиралась уходить.

Кэсси кивнула.

- Да, у меня репетиция. Была рада знакомству, Луана.

Она выпорхнула из кабинета легко, оставив после себя лишь едва уловимый аромат цветочной нежности. Мэл закрыл дверь. Щелкнул замок. Они остались одни.

Кабинет был огромным, залитым светом. На столе - стопка документов и модель сложной молекулярной структуры на подставке. Его мир.

Он прошёл к своему столу и сел в кресло, указав ей на стул напротив.

- Присаживайся.

Это было так... по-деловому. Так далеко от той ночи три года назад, когда он целовал её, прижав к стене.

Луана села. Спина прямая, руки сложены на коленях.

- Я ознакомилась с проектом «Феникс». Юридическая сторона проработана слабо. Много серых зон в патентном праве и ответственности за экологический ущерб при запуске производства.

Он слушал её внимательно, не перебивая. Его взгляд скользил по её лицу, словно он пытался сопоставить образ строгого юриста с образом женщины, которую помнил он.

- Ты изменилась, - тихо произнёс он, когда она закончила.

- Время меняет людей, Мэлл.

Он снял очки и устало потёр переносицу. Этот жест был ей до боли знаком.

- Я следила за твоими успехами, - продолжила она, глядя прямо ему в глаза. - Ты создал империю на науке. Это... впечатляет.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

- А я следил за твоими. Жан не зря гордится тобой. Ты стала лучшим оружием в его арсенале.

Это был укол. Намёк на то, что она продала душу дьяволу - своему отцу.

- Я стала лучшей для себя самой, - парировала она холодно.

Он медленно откинулся на спинку кресла, которое под его весом еле слышно скрипнуло кожей.

- Мы будем работать вместе. Долго.

Мэл просто сидел в полумраке салона своего автомобиля, припаркованного на подземной стоянке «LandraGlobal», и смотрел невидящим взглядом на приборную панель. Вокруг была тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции и редким эхом шагов уборщицы в дальнем конце парковки. В его сознании снова и снова прокручивалась сегодняшняя встреча. Дневной свет, кабинет. И она.

Она изменилась. Ушла та юная, пусть и умная, но всё же немного наивная девушка, которую он помнил. На её месте была женщина. Холодная, безупречная, чью фигуру строгий бежевый кашемир превращал в неприступную крепость. Её волосы были собраны в тугую, архитектурно выверенный узел, открывая длинную шею. В её взгляде не было ни тепла, ни узнавания - только профессиональный интерес. Но именно эта холодность и притягивала его сейчас с такой силой, что становилось трудно дышать. Это был вызов. Глыба льда, которую ему, Мэлу Ландграфу, учёному и бизнесмену, до дрожи в пальцах захотелось растопить. Он хотел увидеть, что скрывается за этой маской корпоративного юриста. Хотел увидеть ту Луану, которую помнил.

Он помнил её другой. Три года назад... или это было в прошлой жизни? Она была огнем. Необузданным, яростным пламенем, которое обжигало и манило. Её страсть к экологии была не просто убеждением, это была ее суть. Она не говорила о законах - она кричала о справедливости. В ней не было расчёта, была лишь чистая, дикая энергия. Теперь же перед ним стояла влиятельная фигура в правовом поле. И эта перемена делала её ещё более соблазнительной. Она научилась играть по правилам этого мира и побеждать. Он провёл рукой по лицу, пытаясь унять жар, разливающийся внутри. Это чувство... Он не знал ему названия. Это не было

похоже на то, что он испытывал к Кэсси. К Кэсси он чувствовал благоговение. Она была его музой, его светом. Их любовь была похожа на идеально выстроенную симфонию: гармония, созвучие, покой. Он восхищался ее талантом, её душой. Она была его тихой гаванью после бурного дня в лабораториях и залах заседаний.

Но это... это было стихийное бедствие. Это был голод. Первобытный, почти животный инстинкт. Желание не просто быть рядом, а поглотить, заставить эту ледяную маску треснуть и увидеть под ней бушующее пламя. Он хотел её не как жену или подругу. Он хотел её как самую сложную и опасную загадку в своей жизни.

Мэл резко выдохнул и наконец повернул ключ зажигания. Фары вспыхнули, выхватив из темноты бетонную стену. Он должен был увидеть её снова. Не в кабинете. Не по работе. А как мужчина, который увидел женщину и понял, что его мир никогда не будет прежним. Он нажал на газ. Машина рванула с места, унося его прочь от офиса, но всё ближе к новой, опасной игре, правила которой он еще даже не начал понимать.

Их совместная работа над проектом «Феникс» продолжалась уже несколько месяцев. Это был странный, выматывающий танец. Они не виделись каждый день - Луана часто работала удаленно, присылая ему на согласование юридические заключения, или приезжала в офис «LandraGlobal» для встреч с другими отделами. Но когда их пути пересекались в коридорах или в его кабинете, напряжение между ними, казалось, можно было потрогать руками.

Оба понимали: одно неверное движение, один взгляд, задержавшийся на секунду дольше положенного, - и их хрупкое перемирие рухнет, погребая под собой и проект, и их самих. Поэтому они держали дистанцию. Профессиональную и безупречную. Она обращалась к нему «мистер Ландграф», он к ней - «мисс Вильяррубио». Но эта показная вежливость была лишь тонкой коркой льда над бушующим пламенем. Самым тяжёлым испытанием для обоих были обязательные корпоративные вечера. Благотворительные балы, приёмы, гала-ужины. Места, где протокол требовал от Мэла появляться под руку с Кэсси.

Вечер был похож на сверкающий аквариум. Блеск люстр отражался в хрустальных бокалах, в начищенном паркете, в бриллиантовых серьгах дам. Мужчины во фраках вели степенные беседы о колебаниях курсов валют и перспективах азиатского рынка, пока их жёны обсуждали последние коллекции. Мэл стоял рядом с Кэсси. Она была ослепительна. Он кивал, улыбался дежурной улыбкой, но его взгляд блуждал по залу. Он искал её.

И нашёл.

Стоя у стола с закусками, Луана сохраняла видимость участия: в её руке был бокал с водой. На самом деле она не ела и не пила, а лишь наблюдала за толпой, оставаясь в стороне от общего веселья. На ней было платье глубокого изумрудного цвета. Их взгляды встретились через весь зал. Всего на секунду. Электрический разряд.

- Извини, дорогая, - тихо сказал он Кэсси. - Мне нужно отлучиться на ненадолго.

Он отошёл к столу с закусками и встал рядом с Луаной.

Он потянулся за таралеткой.

Ее рука легла на блюдо с канапе.

Их пальцы соприкоснулись.

Это был удар молнии. Мэл замер. Он почувствовал, как она вздрогнула. Оба тут же отдернули руки.

- Прощу прощения, - пробормотала она.

- Ничего страшного, - его голос был глубоким.

Они не могли здесь находиться.

- Мне нужно проверить почту, - сказал он громко. - В кабинете на втором этаже.

- Я... как раз собиралась подняться в дамскую комнату. Второй этаж?

Он едва заметно кивнул.

В тёмном кабинете тишина обволакивала, словно густой туман. Мэл закрыл дверь, отрезая их от мира, и шагнул к ней. Луана отступила, пока не уперлась спиной в холодную стену.

- Ты играешь со мной, - его голос был тихим и уверенным. - Думаешь, я не вижу?

- Я ничего не делаю, - она вздёрнула подбородок, но голос предательски дрогнул.

- Ложь. Каждое твоё движение - это вызов. Ты смотришь так, будто знаешь все мои слабости.

- А ты? Ты прячешься за своей женой, как за щитом! - выпалила она.

Он замер на секунду, а затем резко сократил расстояние между ними, упираясь ладонями в стену по обе стороны от её головы.

- Это не щит. Это тюрьма. А ты... стоишь снаружи и дразнишь меня.

- Я тебя ненавижу, - прошептала она, глядя ему прямо в глаза.

- Хорошо, - выдохнул он и прижался к её губам.

Этот поцелуй стал концом прежней жизни. Не нежный и не страстный в привычном смысле. Это было столкновение двух стихий, битва, в которой никто не хотел уступать. Он подхватил её на руки, и она обхватила его ногами, пока его губы с дикой страстью впивались в её шею.

После того вечера в пустом кабинете их противостояние превратилось в опасную, тайную связь. Их встречи проходили не в романтических ресторанах или парках, а в номере отеля где остановилась Луана. Для всего мира они оставались лишь коллегами, ведущими сложный проект. Но когда за ними закрывалась дверь номера, их профессиональный фасад рушился, уступая место всепоглощающей, запретной страсти.

Они не знали, что каждый их шаг, каждое такси до отеля - всё это фиксировалось. Хью превзошел самого себя в организации слежки. Штат специально обученных людей, вёл Луану днём и ночью. Отчёты были подробными, сухими и беспристрастными: «Объект вошла в отель "Сапфир" в 19:14. В 19:20 в тот же отель вошёл М. Ландграф. Свет в номере 1402 погас в 23:57». Эти папки с отчетами ложились на стол Хью. Он просматривал их с мрачным удовлетворением. Это был его козырь. Его гарантия того, что Луана никогда не затмит его, никогда не станет угрозой его будущему. Он собирал компромат не для того, чтобы уничтожить её - он собирал его, чтобы контролировать.

Затем он шел в кабинет к отцу.

Жан Вильяррубио читал эти отчёты с совершенно иным выражением лица. В его глазах не было ни капли отцовской заботы. Он видел не грехопадение дочери. Он вид

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.